

Виктор Пронин

Разговорный жанр

*Часть сборника
Слишком большое сходство
(сборник)*

Ксенофонов и Зайцев

Виктор Пронин
Разговорный жанр

«ЭКСМО»

2005

Пронин В. А.

Разговорный жанр / В. А. Пронин — «Эксмо»,
2005 — (Ксенофонтов и Зайцев)

«Как быстро идет время, как ошарашивающе быстро оно уходит... И самое печальное в том, что ход его с каждым годом ускоряется. Если раньше ты не замечал, как исчезает день, неделя, то теперь точно так же не успеваешь считать проносящиеся сквозь тебя годы... Ты, конечно, бодрисься, еще без опаски смотришь в зеркало, иногда даже находишь в собственном изображении нечто утешительное, но если раньше твои прелести просто бросались в глаза и ты не знал, на чем остановиться, то теперь их приходится изрядно поискать...»

© Пронин В. А., 2005

© Эксмо, 2005

Виктор Пронин

Разговорный жанр

Как быстро идет время, как ошарашивающе быстро оно уходит... И самое печальное в том, что ход его с каждым годом ускоряется. Если раньше ты не замечал, как исчезает день, неделя, то теперь точно так же не успеваешь считать пронсящиеся сквозь тебя годы... Ты, конечно, бодрисься, еще без опаски смотришь в зеркало, иногда даже находишь в собственном изображении нечто утешительное, но если раньше твои прелести просто бросались в глаза и ты не знал, на чем остановиться, то теперь их приходится изрядно поискать... Когда-то в глазах встречных девушек ты видел если не восторг, то хоть какое-то к себе отношение – недовольство, интерес, насмешку, а сейчас они просто не видят тебя в упор. О девичьей насмешке ты можешь лишь мечтать, как о чем-то несбыточном, а если и смотрит на тебя с загадочным любопытством, так это начальство – прикидывает, не созрел ли ты для той работы, для этого задания, достаточно ли ты уже мудр, чтобы пренебречь собственным мнением, пожертвовать достоинством, достаточно ли уже предан, чтобы он без риска мог накинуть тебе трешку к зарплате, помянуть добрым словом в приказе, похлопать по плечу при опальном сотруднике, для которого подобные начальственные ласки есть предмет сладостных вожелений...

Такие примерно мысли вяло проплывали в голове Ксенофонтова, когда он однажды засиделся в редакции, сочиняя вольнодумную статью о многолетних мытарствах жителей коммунальной квартиры на улице Красной. Он описал утренние очереди в туалет, вечернюю толчею на кухне, мимолетные ссоры, затяжные склоки, описал душевные вываривания белья, пьяные торжества в одной комнате, когда в других балдеют, рожают, умирают. Все описал Ксенофонтов, но проникнуться болью и страданиями коммунальщиков, как бывало, не мог, да и не хотел. Может быть, возросшее мастерство позволяло ему добиться читательского сочувствия, самому оставаясь холодным, если не равнодушным, а возможно, дело было в другом – всенародная борьба с пьянством привела к тому, что из продажи исчезло пиво, а человека, которого видели с бутылкой, сразу определяли в алкоголики и немедля начинали собирать документы для помещения его в лечебно-трудовой профилакторий на предмет излечения от опасного заболевания. Поэтому встретиться с Зайцевым, как прежде легко и беззаботно, он уже не мог, да и Зайцев не хотел рисковать службой. Пить же пиво, таясь, заперев дверь и забравшись под одеяло, а потом жевать мятную жвачку, убивая в себе священный пивной дух...

Нет, это не встреча, это не пиво. А без общения с близким человеком откуда взяться легкости, искреннему сочувствию, беззаботной шалости...

Ксенофонтов вздохнул, сложил исписанные листки, поставил на них графин с водой, чтобы случайный сквозняк не унес его труды в форточку, и уже направился было к выходу... Да зазвонил телефон. Нет, он не бросился к нему, как в юные годы, когда от каждого звонка он ждал радостных приключений и прекрасных встреч, он лишь оглянулся и продолжал смотреть на телефон с усталой озадаченностью, а когда наконец решил взять трубку, тот замолчал сам по себе. Ксенофонтов направился к двери, но опять раздался звонок.

– Слушаю, – сказал Ксенофонтов, механически пробегая глазами по только что созданным строкам.

- Это хорошо! – прозвучал в трубке бодрый голос.
- Зайцев? – протянул Ксенофонтов. – Неужели ты?
- А что, тебе еще кто-то звонит?
- Никто, старик! Только ты! Клянусь.
- У тебя как сегодня?
- Ты о чем?
- Время? Силы? Умственные способности?

- Могу поделиться, – Ксенофонтов боялся поверить, что все это кому-то понадобилось.
- Тогда дуй ко мне, машина будет у редакции через десять минут.

Услышав короткие гудки, Ксенофонтов положил трубку. На лице его блуждала неопределенная гримаса, но если присмотреться... Все-таки это была улыбка. Он зашел в туалет, тщательно вымыл руки, хотя при нынешних трудностях с мылом в это трудно поверить, плеснул в лицо холодной водой, подмигнул себе в зеркало мокрым глазом, покрутил головой, вытряхивая из нее бумажную пыль, скопившуюся за день. Теперь, посвежевший, он готов был изучать следы, улики, подлые замыслы и коварные домыслы. Да и движения ксенофоновские стали строже, походка обрела почти прежнюю легкость, может быть, даже некоторую упругость.

Машина уже стояла у подъезда, и водитель нетерпеливо выглядывал из кабины, выискивая среди прохожих длинного Ксенофонтова. А увидев, тут же включил мотор.

– Привет, старик! – Ксенофонтов упал на сиденье рядом с водителем. – Что там у вас стряслось? Банк взяли? Девушку обидели? Рэкетеры обнаглели?

– Всего понемножку.

– Не скучаете, значит?

– Да все некогда.

– Ну и молодцы, – потеряв интерес к неразговорчивому водителю, Ксенофонтов откинулся на спинку сиденья. Но долго наслаждаться ездой ему не пришлось, через десять минут машина остановилась.

Зайцев оказался более разговорчивым.

– Начальство знает о тебе, вопрос согласован, поэтому могу выдать некоторые наши тайны.

– Буду очень признателен.

– Для начала взгляни на эти снимки. Место происшествия, пострадавшая, обстановка и так далее. Прошу.

На снимках Ксенофонтов увидел обычную квартиру – полупустая, со случайными безделушками, вазочками, картинками, раздвижной диван, журнальный столик, кресла. Среди снимков оказались и несколько портретов молодой девушки, видимо, она снималась в неплохих ателье и чувствовала себя там весьма свободно – открытая улыбка, легкий жест руки, уверенная поза.

– Красивая девушка, – сказал Ксенофонтов.

– Смотри дальше.

Ксенофонтов тасовал снимки все медленнее, каждый очередной снимок сдвигая в сторону уже с некоторой опаской. Так картежники с мистическим ужасом обнажают следующую карту, в которой может таиться и богатство, и разорение. Наконец Ксенофонтов добрался до снимка, которого ждал и боялся. Уже знакомая ему девушка лежала на полу у дивана. Легкие брючки, разорванная блузка, разметавшиеся волосы, полуоткрытые неживые глаза. Неловко подогнутая рука говорила о том, что девушка мертва.

– Что у нее на шее? – спросил Ксенофонтов.

– Чулок. Ее задушили чулком.

– Давно?

– Около месяца назад.

– И весь этот месяц...

– Да! Да! Да! – нетерпеливо перебил Зайцев. – Целый месяц без сна и отдыха мы искали преступников. И не нашли.

– Разумеется, – кивнул Ксенофонтов, возвращая снимки. – Меня вот что озадачивает: зачем убивать красивых девушек? Что бы они ни сотворили, как бы ни провинились, какое бы слово обидное ни сказали... Нет, убивать девушек нельзя. Природа послала их на грешную землю, чтобы хоть как-то нас утешить, чтобы хоть в чем-то образумить и наставить на путь

истинный. А мы, словно чувствуя уязвленность от одного их присутствия... Эта девушка могла сделать счастливым кого угодно и даже...

– Продолжим, – сухо вато прервал Зайцев. – Нам позвонили соседи. Почту не вынимает, на звонки не отвечает, на кухне свет горит... И так далее. На работе опять же забеспокоились – она модельером работала, шила модную одежду. И неплохо, между прочим, клиентура у нее еще та... Состоятельная публика. Ну, что, приехали наши ребята, взломали дверь... Следов никаких. Ну совершенно никаких. Чтобы все убрать, протереть, предусмотреть... На это потребовалось какое-то нечеловеческое усердие. Похоже, они не торопились.

– Они? – переспросил Ксенофонов. – А сколько их было?

– Двое. Их было двое. Мужчины. Молодые. Привлекательные.

– И все это удалось установить?

– Это не моя заслуга, – вздохнул Зайцев. – Это ее заслуга, – он кивнул на фотографии. – Она позаботилась. Дело вот в чем, слушай внимательно. Помимо шитья одежды, она занималась делом куда более надежным и прибыльным – продавала или, скажем, перепродавала завозную технику. Магнитофоны, видео... И так далее. Были поставщики, а она подбирала покупателей среди своих клиентов. Мы установили все ее связи, работа проделана громадная.

– Но, узнав так много...

– Ты слушай... Общась с публикой довольно своеобразной, она решила себя подстраховать. У нее в диване был спрятан магнитофон. Он включался, стоило кому-либо войти в квартиру. Найдено несколько кассет с записями деловых переговоров. Цена, прибыль, сроки, даты и так далее. Но самое интересное – магнитофон оказался включенным в момент убийства. Записано все, включая предсмертный крик. Убийцы не нашли его, когда грабили квартиру. Последний звук на пленке – щелчок замка в двери.

– Так, – ошарашенно протянул Ксенофонов.

– Один убийца – Саша, второй – Вова. Саша и Вова. Так они друг друга называли. Копию кассеты я тебе дам. Придешь домой и послушаешь. У меня уже нет сил слушать ее крик. Я просыпаюсь от стонов, представляешь! Саша и Вова пришли к ней как друзья. Похоже, недавно познакомились. Может быть, они ей понравились, а может, она надеялась что-то продать. Разговор шел дружеский, пока ребята не решили, что пора приниматься за дело. Задушив ее, убрали следы и унесли два видеоманитофона. Это тысяч десять-двенадцать. Вот запись, – Зайцев вынул из стола кассету и положил перед Ксенофоновым. Тот осторожно взял пластмассовую коробочку, повертел ее перед глазами и положил в карман.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.